

ДАНИЭЛА СТИЛ

*Опасные
игры*

Миры Даниэлы

Даниэла Стил
Опасные игры

«АСТ»

2017

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Стил Д.

Опасные игры / Д. Стил — «АСТ», 2017 — (Миры Даниэлы)

ISBN 978-5-17-105934-7

Знаменитая тележурналистка Аликс Филлипс и ее верный оператор, бывший «морской котик» Бен Чапман, самая прославленная «новостная команда» в истории США. Сотни раз они рисковали жизнью под пулями и разрывами бомб, чтобы рассказать зрителям о том, что происходит в горячих точках планеты. Однако на такой риск им идти еще не приходилось... Против вице-президента Тони Кларка выдвинуты скандальные обвинения, и Аликс с Беном, конечно же, не могут остаться в стороне от столь сенсационной истории. Но внезапно они обнаруживают себя в самом центре паутины опасных политических и шпионских интриг – паутины, в которой отважным журналистам, вставшим на пути у могущественных и безжалостных людей, легко погибнуть...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-105934-7

© Стил Д., 2017

© АСТ, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	23
Глава 4	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Даниэла Стил

Опасные игры

Danielle Steel
DANGEROUS GAMES

© Danielle Steel, 2017

© Перевод. И. А. Никитенко, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

*Моим чудесным детям –
Битти, Трэвору, Тоду, Сэму, Виктории, Ванессе, Макс и Заре.
Пусть те, кому доверяете, никогда не разочаруют вас и не
причинят вам боли.
Живите с честью, любите искренне, будьте верны себе и добры
друг к другу.
Я всегда буду любить вас.
Ваша мама.*

*Дракона в гневе лучше не тревожить.
Откроет время все, что нынче скрыто.*

У. Шекспир. «Король Лир»

Глава 1

На улице светало, когда Аликс Филлипс бросилась в укрытие под звуки выстрелов. Завод по производству консервированных фруктов в Алабаме был закрыт, тысячи людей лишились рабочих мест. Несколько месяцев профсоюз боролся с владельцами завода, но потерпел неудачу. Большая часть рабочих была афроамериканцами, чьи семьи трудились на конвейере уже много лет. Отчаяние жителей, оставшихся без заработка, привело к вспышке насилия. За одну ночь были разграблены центральные улицы города, в перестрелке погибли двое молодых парней. На борьбу с беспорядками подтянули полицейских из соседних районов, по городу плыло едкое облако слезоточивого газа.

Аликс вела репортаж в прямом эфире для национального телевидения из самой горячей точки, однако ей пришлось спастись бегством, когда появились мародеры с оружием. Она едва успела выкрикнуть в микрофон, что не видела ничего подобного еще с беспорядков в Лос-Анджелесе в 1992 году, когда оператор Бен Чапман схватил ее за руку и потащил за собой, заставляя покинуть опасный перекресток. Через секунду раздался взрыв, и из окон посыпались лопнувшие стекла.

– Ты с ума сошла? – крикнул Бен, затаскивая Аликс за угол здания. По улице бежали полицейские с заградительными щитами. Выстрелы звучали оглушительной канонадой.

Аликс с трудом перевела дух. Ее лицо было измазано сажей, глаза слезились. На шее у нее и Бена болтались бейджики телевизионщиков.

– Ты что, смерти ищешь? – усмехнулся оператор.

Они работали в одной команде уже четыре года и отлично ладили, кроме таких вот моментов. Аликс постоянно находилась на передовой. Она выбирала самые опасные и близкие планы во время демонстраций, беспорядков и любой другой накаленной ситуации, стараясь передать зрителю истинную атмосферу происходящего. Бен любил работать с ней. Совместные репортажи отмечались многочисленными наградами и обходили конкурентов с других каналов. Немногие журналисты были готовы рисковать своей шкурой ради удачного кадра. Аликс Филлипс отличалась особым бесстрашием, это восхищало ее напарника, и все же порой она вела себя безрассудно. Казалось, инстинкт самосохранения был просто не заложен в ДНК этой смелой журналистки. Репортажи захватывали ее, и она становилась слепа ко всему остальному. Аликс работала телерепортером с окончания колледжа, и за семнадцать лет сделала блестящую карьеру. В свои тридцать девять она побывала в сотнях горячих точек, рассказывала злободневные новости не только о Штатах, но и о странах Европы и «третьего мира». Продюсер молился на Аликс, потому что она была безотказна и для нее не существовало «слишком опасных» заданий. Работа с ней в паре подняла и Бена на олимп операторского искусства, и он был благодарен своей коллеге за это. Но порой кто-то должен был останавливать ее.

Бен не был трусом, отнюдь. Однако хорошо чувствовал грань, за которой потенциальный риск становился прямой угрозой для жизни.

Ему исполнилось сорок два, и он всего четыре года назад вернулся из очередной военной миссии. Бен служил в отряде «морских котиков», что закалило его характер и сделало самой подходящей кандидатурой для тандема с Аликс. Пожалуй, именно поэтому она и подписала с ним контракт. Остальные операторы были слишком осторожны для нее. Она была мужественной и упрямой, а у Бена характер оказался ей под стать. С камерой в руках он почти не уступал Аликс, находил отличные планы, вовремя замечал важные детали, сразу улавливал, на какие объекты следует переключиться вслед за торопливой речью журналистки. Продюсеры и зрители любили их обоих. Они были идеальной командой и дополняли друг друга. Вместе Аликс и Бен побывали на Ближнем Востоке, снимали военные захваты и гражданские войны в Южной Америке и Африке, показывали Штатам пронзительные кадры стихийных бедствий и чудо-

вищенные эпизоды государственных переворотов. Их репортажи давали такое чувство погружения, что впору было награждать их «Оскаром».

Бен частенько говорил, что Аликс можно разбудить среди ночи, и через три минуты она будет сидеть в такси, чтобы лететь на другой конец света и рисковать своей и его жизнью. Подобное уже случалось, и сейчас, во время беспорядков в Алабаме, происходило снова.

Не успели они отдышаться, как раздался еще один мощный взрыв. Аликс рванула на звук прежде, чем оператор успел поймать ее за рукав. Пришлось последовать за ней. Бен считал своим долгом оберегать журналистку, коль скоро она сама забывала о безопасности.

– Ты хотя бы раз спросила мое мнение, когда бросаешься в самое пекло, – пожаловался он, догнав Аликс.

Они оба были измучены, поскольку последние два дня спали лишь несколько часов.

– Вот еще глупости. – Она бросила на него насмешливый взгляд и, пригнувшись, последовала за отрядом солдат, которых прислали для усиления.

Бен только покачал головой. Что и говорить, сопровождать Аликс в ее безумных репортажах было опасно, но работа с ней захватывала. Они были боевыми товарищами и партнерами, и ему, бывшему вояке, это нравилось. Сто девяносто сантиметров роста, с мощными плечами и крепкой шеей, Бен был в великолепной физической форме. Его напарница носила длинные светлые волосы, была среднего роста, с гибким, спортивным телом. Она регулярно тренировалась в зале и на занятиях боксом в Нью-Йорке в свободное от репортажей время. Аликс нравилось думать, что по выносливости она не уступает своему оператору, однако из них двоих более сильным, естественно, был Бен, отдавший двадцать лет армейской службе. Она была хороша собой, надевая платье и туфли, но и в простой одежде, в пыли и грязи, в сапогах, спечовке, даже в камуфляже Аликс чувствовала себя не менее комфортно. По сути, ей было безразлично, как она выглядит, когда речь шла о работе.

Беспорядки на улицах продолжались до семи часов утра, пока прибывшее подкрепление не поймало всех мятежников и мародеров и сопровождало их в камеры. Пожары вспыхивали еще несколько дней. Маленький заводской городок оставался под военным контролем, и съемочной группе делать здесь было больше нечего. Бен и Аликс добрались на арендованном автомобиле до Бирмингема и вылетели в Нью-Йорк. Оставленный ими город был почти полностью разрушен и заполнен тысячами безработных, многие из которых теперь потеряли крышу над головой. Это была печальная история, и Аликс в своем репортаже обвинила местные власти в недостаточной поддержке жителей и плохой охране правопорядка. Местного мэра и раньше неоднократно обвиняли во взяточничестве, хотя прямых доказательств не было, и Аликс не забыла намекнуть на это в прямом эфире. Город стал банкротом, а с начала беспорядков его и вовсе объявили районом бедствия.

На пути домой она вспоминала разрушенные дома, копать на стенах, растерянных чернокожих детей и женщин, сидевших босиком, в рваной одежде прямо на мостовой. Рядовому жителю столицы было трудно представить, что в Штатах есть подобная нищета, и Аликс хотелось донести голос масс до обеспеченных людей и политиканов.

– Как же они будут решать эту проблему? – тихо спросила она, взглянув на Бена.

Они сидели в бизнес-классе, и им как раз подали обед. Отличные места в самолетах были частью той щедрой благодарности, которой одаривал любимую команду продюсер.

– Этим людям прямая дорога на биржу труда, но местные власти не смогут дать им работу, – вздохнул Бен.

Он тоже был расстроен, хотя в горячих точках на Ближнем Востоке они наблюдали ситуации и похуже. Смерть, ожоги, раны, пытки... Нищета была лишь одной из страшных бед, каких они навидались вдоволь.

Короткая передышка в Нью-Йорке, где ни Аликс, ни Бена не ждали родные и появится новая работа, новый репортаж, новые срочные новости. Оба были готовы по первому зову броситься в омут с головой.

Это похоже на службу в армии, думал Бен. Быстрые сборы и очередное задание, цель его – защищать людей и принципы, которым и Бен, и Аликс были верны всю жизнь.

Аликс знала, что заслуживала высот, которых достигла в карьере тележурналистки. Она была талантлива и мужественна. Отец ее вел репортажи для британского телевидения и погиб при взрыве бомбы в Ирландии во время одного из прямых эфиров, когда Аликс была еще маленькой. Она смутно помнила его, хотя по всем воспоминаниям он был замечательным человеком. Мать Аликс была француженкой, звали ее Изабель. Сама Аликс выросла в Лондоне, а училась в Америке. После окончания колледжа решила остаться работать в Штатах. Изабель была хорошей матерью и не вмешивалась в планы дочери. Она перебралась из Лондона в крохотный городок в Провансе и не мешала Аликс строить карьеру. Это было тем более благородно, хотя в годы учебы Аликс успела и начудить. Студенческий роман привел к тому, что на втором курсе она родила дочь. Отец ребенка был на год моложе Аликс, безумно любил ее и старался всюду находиться рядом, хотя не слишком соответствовал ее воинственному характеру. Родители парня, богатые банкиры из Бостона, были разочарованы его выбором. В их мечтах сын не мог обзавестись отпрыском от какой-то безродной девицы из Лондона, одержимой бредовыми идеями о прямых эфирах на телевидении. Желание Аликс пойти по стопам отца не нашло у них понимания, и восхищение Уайета невестой они не разделяли. Аликс и Уайет поженились менее чем за месяц до рождения Фэй.

Роды были легкими, чего не скажешь о последовавших месяцах.

Родители Уайета полностью отказали сыну в финансовой поддержке, и помогать молодой семье приехала из Европы Изабель. Она не была в восторге от решения дочери, но влюбленная пара была глуха к доводам разума.

А через три месяца произошло невероятное. Во время отпуска с друзьями в Нантакете Уайет погиб, когда их лодка врезалась на полной скорости в берег. Аликс стала двадцатилетней вдовой с трехмесячным младенцем на руках. Все еще в шоке от случившегося, она с матерью поехала на похороны в Бостон, где семья банкиров оказала им весьма прохладный прием. Никто из присутствовавших даже не знал о браке покойного, все считали Аликс и Изабель посторонними людьми. Разговор с отцом семейства, состоявшийся утром, дал понять, что ни невестку, ни ее ребенка семья Уайета видеть не желает. Для них это была лишь ошибка молодости, которую их сын совершил по глупости. На внучку они даже не взглянули.

Уже в Лондоне Изабель потратила месяц, уговаривая дочь вернуться в колледж и оставить малышку ей на воспитание. Аликс улетала в Штаты в слезах. Как оказалось, совет матери был самым мудрым из всех, что та ей дала.

Через год Аликс с отличием окончила колледж и получила прекрасное предложение поработать в новостном отделе нью-йоркского телевидения. Несколько лет она была погружена в работу, но при любой возможности летала в Европу, навестить маму и дочь. Изабель как раз вернулась во Францию и перебралась в Прованс. Аликс же бралась за любые задания, какие ей поручали. Если бы дочь осталась с ней, она бы ни за что не добилась тех высот, на которые смогла вывести свою карьеру. Малышка Фэй вела беззаботную жизнь в маленьком французском городке с бабушкой, а Аликс делала остросюжетные репортажи.

Когда дочь подросла, Аликс решила привезти ее в Штаты. Лето девочка проводила во Франции у бабушки, а остальное время жила в Нью-Йорке под присмотром няни. Конечно, схема была не идеальной, но приемлемой. Так же, как и ее мама, Фэй росла без отца, и это объясняло их взаимопонимание. Дочь всегда переживала за репортерскую работу матери, смотрела каждый репортаж, с тревогой и восхищением ждала новостей.

– У меня нет отца. Что станет со мной, если ты ненароком погибнешь? – возмущалась она.

– Уедешь обратно во Францию, – пожимала плечами Аликс.

За девятнадцать лет родные со стороны отца Фэй так и не вышли на связь, как ни надеялась на это Аликс. Их единственная внучка просто не существовала для них, словно она не была их собственной кровью и плотью.

– Не самое лучшее решение, мама! – Фэй яростно качала головой и принималась рассуждать об опасностях репортерской работы. – Я люблю бабушку, но ты нужна мне живой.

Пустые споры. Правда заключалась в том, что как бы сильно Аликс ни любила дочь, ее работа слишком много для нее значила, и бросать дорогое сердцу дело она не собиралась. Поэтому, когда Фэй поступила в колледж и уехала, Аликс втайне почувствовала себя свободнее. Теперь она могла брать еще более опасные задания и отлучаться из дома на гораздо больший срок. Эту тягу к экстриму было трудно объяснить, однако каждая ее клеточка оживала именно там, где жизнь и смерть сплетались в единый клубок.

Фэй перешла на второй курс, но продолжала издали следить за победами матери. Она знала: случись где-то война, вооруженная стычка, теракт, мать летит туда, как мотылек на пламя. Глядя на нее, Фэй тоже росла независимой и целеустремленной. Она была решительно настроена поступить после колледжа в специализированную юридическую академию. Аликс поддерживала дочь, а денег, которые ей платила новостная программа, с лихвой хватило бы на любое обучение. И все же Аликс работала не только ради зарплаты. Она была звездой программы, тележурналистика была ее страстью. Каждое новое задание казалось захватывающим приключением, и Аликс умела профессионально подать сюжет. Как и отец, она была прекрасным журналистом, однако больше всего ей нравилось работать именно военным корреспондентом. Это было то общее, что позволяло ей и Бену понимать друг друга с полуслова, и они, не раздумывая, брались за любые сложные задачи.

Аликс никогда не говорила о своей личной жизни и прошлом. Бен был поражен, когда лишь через год после начала совместной работы узнал, что у его напарницы есть ребенок. Готовность рисковать жизнью свойственна скорее одиночкам. Те, кого дома ждала семья, предпочитали более спокойную работу. Аликс была не такой, хотя у нее и были близкие люди.

В этом они были похожи с Беном. Он был разведен и не имел детей. Конечно, где-то на Среднем Западе жили его родители, да еще трое братьев, которых он видел крайне редко. Бен почти никогда не пересекался с племянниками, и это его устраивало. Когда семья Бена распалась, он ушел в армию, чем вызвал неодобрение родни. Много лет минуло с тех пор, и его настоящей семьей стали сослуживцы. Бен был человеком высокой морали и считал, что обязан защищать страну и ее жителей, однако никаких личных связей не заводил.

Когда Аликс спросила, почему Бен ушел с военной службы, он ответил уклончиво: мол, «пришло время», явно не желая углубляться в тему. Бен был замкнутым. Они проводили вместе много времени, потому что это была их работа. Они преподносили зрителю правду на блюде, освещали преступления против человечества, верили в возможность разоблачения зла, смело шли на риск и главной своей задачей видели достижение справедливости.

– Ты уже звонила Фэй? – спросил Бен, когда они вернулись в Нью-Йорк. Ему нравилось думать, что дочь должна походить на мать. Наверное, это яркая, интересная девушка, готовая отстаивать свои идеалы.

Бен ушел из дома двадцать лет назад и четырнадцать лет уже был в разводе. О своей бывшей жене никогда не упоминал, и Аликс не задавала лишних вопросов. Каждый из них имел право на свои секреты. Они были коллегами, а не любовниками, личное пространство имело огромное значение.

– Да, я звонила. – Аликс связалась с дочерью еще из Алабамы.

– Как она?

– Как обычно, пьет, – отшутилась она. – Я думаю, Фэй предпочла бы, чтобы я снимала конкурсы выпечки, выставки собак или сборы донорской крови.

Бен рассмеялся.

Фэй частенько напоминала матери, что из-за ее эгоизма ей приходится жить с бабушкой в Провансе. Из чувства вины Аликс сумела пробить для дочери и матери полис страхования с весьма обширным комплексом услуг. Кроме того, она платила за обучение Фэй и присылала деньги на разные мелочи. Но сколько бы денег Аликс не вкладывала в будущее дочери, правда была в одном: она предпочитала семье карьеру, и никакие упреки совести не способны были это изменить. И все же Аликс всегда чувствовала вину, когда Фэй обижалась на нее.

Аликс и Бен съели предложенный бортпроводниками обед, затем Бен сунул в уши наушники и принялся смотреть фильм на своем айпаде, а Аликс укрылась пледом и задремала. Бен разбудил ее перед самым приземлением, когда прозвучало объявление поднять спинки кресел. По его мнению, Аликс была способна спать в любых условиях, даже в сточной канаве, стоя на голове, и это было не так далеко от истины.

Аликс сложила плед. Она выглядела отдохнувшей и свежей.

– Ты к себе? – спросил Бен.

Аликс укладывала военный бомбер в пакет. Ей нравились вещи в стиле милитари: тяжелые ботинки на шнуровке, простые брюки камуфляжной расцветки. Это была самая удобная для работы одежда, хотя многие женщины-репортеры телеканала даже на съемки в деревнях надевали туфли на шпильке.

– Нет. Пожалуй, заеду в офис, разберу бумаги, – неуверенно ответила Аликс.

Бен утверждал, что она трудоголик, и Аликс больше не могла отрицать этого. Почти всю свою жизнь она проводила либо в поездках, либо в студии. Даже теперь, после серии тяжелых репортажей и короткого сна в самолете Аликс не терпелось приняться за дела. Казалось, запас ее энергии был исчерпаем, и порой это возмущало Бена, особенно в те моменты, когда он сам валился с ног от усталости.

Бен знал, что Аликс поедет в студию и усядется в офисе перебирать корреспонденцию. Скорее всего, примет душ прямо там, сменит одежду и останется в кабинете до глубокого вечера. Она ненавидела возвращаться домой, в пустую квартиру, а сам Бен не мог дожидаться, когда же окажется в Бруклине и завалится на чистые простыни и удобный матрас. Одной этой мысли было достаточно, чтобы у него поднималось настроение. Особенно после четырех дней дешевых мотелей и вонючих автомобилей. Аликс было безразлично, на чем и где спать, она отключалась мгновенно в любых условиях, что позволяло ей восстанавливать энергию в подобных командировках. У Бена была другая сильная сторона: ему требовалось немного сна, чтобы выспаться, однако условия имели большое значение.

Когда они с Аликс шли по залу прилетов, встречающие женщины окидывали Бена оценивающими взглядами. Он был крепким, высоким и привлекательным, и только Аликс была равнодушна к его внешности. Она никогда не интересовалась им как мужчиной. Он был ее коллегой и приятелем, не более. Они видели друг друга во стольких ужасных и неловких ситуациях, какие заставляют стесняться порой даже супругов. Понимали, что изменение условий испортит прекрасные партнерские отношения, поэтому никогда не выходили за рамки дружбы. Им повезло найти друг друга и работать вместе, и одно это стоило того, чтобы сохранять удобный статус кво. Существовали тандемы, в которых напарники сражались за кадром и ненавидели друг друга, но между Беном и Аликс никогда не возникало соперничества и вражды.

Они забрали чемоданы с багажной ленты. Бен не сделал попытки помочь коллеге, зная, что она не позволит ухаживать за ней. Аликс ценила свою независимость и могла о себе позаботиться. Взяв два такси, они распрощались и направились каждый в своем направлении.

Аликс не терпелось перебрать скопившиеся бумаги. Ожидания оправдались: рабочий стол был завален письмами и факсами. Замечания по репортажам, отчеты о проверках, при-

казы руководства, служебки... Разобрав их все, она почувствовала удовлетворение и усталость. Ехать домой было поздновато, и Аликс решила лечь прямо тут, на диване в кабинете. Проснувшись чуть раньше, чем коллеги начнут заполнять офисы, она приняла душ и переоделась в джинсы и свитер, которые достала из чемодана.

Аликс наливала себе чашку крепкого кофе, когда ее окликнул Феликс Уинтерс, старший продюсер ее программы.

– Опять ночевала в офисе? – усмехнулся он, уже зная ответ.

– Конечно, – кивнула она, улыбаясь.

Феликс пожал плечами. Ему было безразлично, как живет звезда его программы. Он был доволен тем, как Аликс делает репортажи, и рейтингами, которые это приносит телеканалу, остальное не имело значения. Феликс был не слишком щедрым на похвалы, однако глубоко уважал профессионализм Аликс.

– Неси свой кофе в мой офис, нужно обсудить дела, – произнес он.

Аликс пообещала быть через минуту. Едва ушел продюсер, как появился его помощник. Свежая сенсация должна была быть в утреннем выпуске. Землетрясение в Афганистане уничтожило тысячи людей. Возможно, именно туда собирался отправить Феликс свою легендарную команду, Аликс и Бена.

Через пару минут они пили кофе в кабинете Феликса и смотрели новости. Прямая трансляция из Афганистана была впечатляющей: трупы, нагроможденные прямо на улицах, превратившиеся в груды щебня здания, люди под развалинами, плачущие дети...

– В Алабаме было напряженно. Я переживал за тебя, – проговорил Феликс.

– Как видишь, мы с Беном живы. Но там было жутковато. Войска прибыли слишком поздно. К тому моменту ситуация вышла из-под контроля.

Феликс кивнул, но взгляд его был рассеянным.

– Что случилось? – поинтересовалась Аликс.

Он молчал минуту, размышляя, как лучше подать информацию.

– Снова мои предчувствия. Не спрашивай, откуда они берутся. – Феликс виновато развел руками. – Вчера увидел фото вице-президента. Он беспокоит меня.

– Ничего нового. Он тебе никогда не нравился, – с улыбкой напомнила Аликс.

– Да. Для парня, который утверждает, что он Мистер Откровенность, слишком подозрительный тип. Откуда у него так много денег на предвыборную кампанию? Да еще в такие короткие сроки?

– Удачный брак, забыл? В наше время это один из способов получить легкие деньги.

– Не такие уж и легкие. – Феликс вздохнул. – Но этот тип внушает мне подозрения.

Все это Аликс слышала и раньше.

– А что за фото? Сомнительные связи? – уточнила она. Интуиция никогда не подводила Феликса, и Аликс научилась ей доверять.

Вице-президент Тони Кларк работал в команде с сенатором Биллом Фостером, готовившимся к президентской кампании. Он сделал достойную политическую карьеру и имел правильные связи, однако Феликс относился к нему с подозрением. Тони Кларк и Билл Фостер имели все шансы на успех, когда внезапно Билл Фостер был убит.

– Всякий раз, когда оказываюсь на поле для гольфа, натыкаюсь на него, – пожаловался Феликс. – И всегда его партнером выступает кто-либо из теневого бизнеса.

– Ну, играть в гольф с бизнесменами не запрещено законом, – заметила Аликс.

– Знаю. Однако мои инстинкты бьют тревогу. Я так и жду, что он совершит какое-то грязное дельце, на котором мы сможем его подловить. Но Тони Кларк слишком умен.

– Или ты подозреваешь невиновного.

Тони Кларк был умным, богатым, успешным человеком с большими амбициями и широкими социальными связями. Он отлично разбирался в политических играх и вряд ли стал бы рисковать своей карьерой.

– Сделай мне одолжение, потряси свои контакты в Вашингтоне. Узнай, вдруг у них есть что-то на Тони Кларка, – попросил продюсер. – Может, появится ниточка.

– Ну, надежда умирает последней! – рассмеялась Аликс. Она взяла свою чашку и направилась к выходу, но у двери обернулась. – Так ты отправишь нас в Афганистан?

– Я дам знать, – уклончиво ответил Феликс, не сводя глаз с монитора.

Уже в своем кабинете Аликс размышляла о навязчивой идее продюсера. Зачем ему компромат на вице-президента? Конечно, у него была хорошая интуиция, и порой это позволяло «накопать» настоящую сенсацию. Но она была уверена, что на сей раз все иначе.

Утренний выпуск завершался, когда в кабинет вошел Бен. Он выглядел свежим и бодрым после сна дома, в постели. Почти настолько же свежим и бодрым, как Аликс после сна на офисном диванчике. Бен сразу понял, что его коллега не уходила из офиса.

– Ну что, мы летим в Афганистан? – Он уселся за свой стол и уставился в монитор.

– Феликс пока молчит. Снова охотится на вице-президента. Хочет, чтобы я занялась им.

– Ну, Кларк довольно неприятная личность! – откликнулся Бен, делая большой глоток кофе. – Мне он тоже не нравится. Есть в нем нечто отталкивающее. Но, похоже, Кларк чист. Слишком уж он умен и амбициозен, чтобы влезать в темные делишки. Здесь я на твоей стороне.

Вице-президенту Тони Кларку недавно исполнилось сорок. Лет десять назад он развелся с богатой светской львицей и через четыре года женился во второй раз на более молодой женщине, с которой у него было двое маленьких детей. Этакая идеальная семья для вице-президента. У них даже жил золотистый ретривер Лаки, что довершало образ классического американского семейства. Молодая жена Тони была наследницей одного из самых больших состояний в стране, и именно ее отец спонсировал последнюю президентскую кампанию. Казалось, все складывалось идеально для Тони Кларка, и даже неожиданная смерть его партнера не подкосила политика. Что бы ни случилось на жизненном пути, Тони Кларк всегда твердо стоял на ногах.

По политической арене он шел семимильными шагами, и его карьера развивалась стремительно. С сенатором Биллом Фостером Тони дружил с детства, и их тандем имел все шансы выиграть президентскую гонку. Фостер был харизматичен и остроумен, обладал широкими связями и развитой сетью агентов, поэтому через несколько лет мог стать президентом и взять на самый верх лучшего друга, Тони.

И вот внезапно Билла Фостера, чья семья исторически играла большую роль в политике страны, убивают во время второй сенаторской кампании. Казалось, это должно было фатально отразиться на карьере Тони Кларка. Потеря связей, которыми умело распоряжался Билл Фостер, вступая в нужные коалиции, скандал с расследованием... Вместо этого через год в ходе жарких дебатов и сплетен Тони заново нашел себя и лишь поднялся выше на накале политических страстей. Он много говорил о покойном партнере, поддерживал его семью, а затем и сам женился и завел детей, чем упрочил свой имидж порядочного и ответственного человека.

Олимпия Фостер, вдова убитого сенатора, также поддерживала Тони. Правда, после смерти мужа она стала вести затворнический образ жизни, не появлялась на публике, однако выпустила книгу о политических взглядах Фостера и Кларка, тем самым переманив на сторону вице-президента всех давних политических союзников покойного мужа.

Порой Аликс задумывалась над тем, что заставило Олимпию Фостер, богатую женщину со связями, бросить политическую сцену и внезапно исчезнуть с горизонта? Не могла же она шесть лет горевать и носить траур? Поговаривали, будто она и Тони Кларк все так же дружат, однако никаких доказательств не было. Олимпия нравилась ее дочери. Однажды Фэй

даже отправила миссис Фостер письмо и получила весьма теплый ответ. Это была приятная во всех отношениях женщина, элегантная, сдержанная, похожая на Джеки Кеннеди. Как и Джеки, Олимпия с достоинством пережила трагическую смерть мужа, погибшего от рук неизвестного киллера. В момент смерти она находилась рядом с мужем, и общественность содрогнулась, увидев ужас и растерянность на лице несчастной женщины, мгновенно ставшей вдовой.

– Любите карри? – Феликс сунул голову в дверь и спросил сразу обоих.

Аликс пожала плечами.

– Ты заказываешь обед в студию? – уточнил Бен.

– Нет, в Индии разразился скандал в верхах. Вы оба летите в Нью-Дели сегодня вечером. Вылет в девять часов, на регистрацию прибудете к семи, рейс международный, – пояснил Феликс.

– Придется заехать домой, переупаковать чемодан! – откликнулась Аликс, мгновенно позабыв о вице-президенте.

Все ее вещи, привезенные из Алабамы, были грязными. Да и защитная одежда в стиле милитари в Индии ей была ни к чему. Скорее потребуются летние платья и сандалии.

– А он не тратит ни минуты, – заметил Бен, когда голова Феликса исчезла. – Мы только прилетели.

Его недовольство было очевидным. Трансатлантический перелет означал смену временного пояса, а Бен недостаточно отдохнул после Алабамы. В отличие от него Аликс не возражала против поездки. Она не любила сидеть без дела и копаться в бумажках.

– А по мне неплохо.

– Полагаю, ничего интересного в Нью-Дели нет. Но Феликс хочет, чтобы небольшой скандал стал сенсацией, а так умеешь только ты, – честно признался Бен Чапман.

– Я лучше поеду, – произнесла Аликс, вставая. Времени было немного.

Оба знали, что работа не станет ждать.

Через несколько минут Аликс уже садилась в такси возле здания канала. Она прикидывала, как можно заинтересовать американского зрителя скандалом в столь отдаленной стране третьего мира. По дороге Аликс изучала последние новости через планшет, чтобы подготовиться, и делала заметки.

Следовало позвонить дочери и предупредить ее об очередной командировке.

Выйдя из машины перед обшарпанным зданием в Ист-Виллидж, Аликс торопливо поднялась к себе. Надо было постирать вещи и собрать свежую одежду. Она с нетерпением думала о предстоящей поездке. Ее работа была важной, нужной и интересной, и Аликс ничуть не жалела, что у нее нет времени хотя бы перевести дыхание.

Уже через три часа она вернулась в офис с сумкой, куда уложила легкую летнюю одежду и пару приличных платьев на случай, если придется встречаться с чиновниками или беседовать с важными персонами, связанными со скандалом. Судя по всему, одному из богатейших людей Индии грозила тюрьма, и история обещала быть горячей.

Феликс снабдил Аликс и Бена информацией, какую получил, а затем попросил журналистку остаться с ним наедине.

В недавнем прошлом Феликс и сам был репортером, поэтому прекрасно разбирался в том, как нелегко отснять качественный материал, а тем более работать в прямом эфире. Благодаря Бену и Аликс новости, которые он продюсировал, обеспечивали каналу стабильные рейтинги. Приходилось всегда быть на высоте, узнавать самые актуальные события, успевать отправить бригаду первым, чутко улавливать настроение зрителя. Может, корреспондентом Феликс был не очень хорошим, зато чутье никогда его не подводило. И Аликс была его волшебной палочкой, превращавшей историю в сенсацию.

Феликс протянул ей толстый конверт из плотной бумаги, который взял со стола.

– Я хочу, чтобы в полете ты изучила эти бумаги и поработала над ними в Дели, если появится минутка. Да-да, знаю, ты считаешь меня заиклившимся на вице-президенте, но все же почитай документы. Может, Тони Кларк чист, как простыни монашки, но я в это не верю. Запах крысы я чую издали. Готов ставить крупную сумму, что Кларк – политик с гнильцой. Давай проверим.

Аликс подняла брови. Ей нравилось распутывать хитрые дела и тянуть за тоненькие ниточки, пока не раскрутится целая интрига. У Феликса была интуиция, а у нее – талант раскапывать факты. Она приоткрыла конверт и увидела, что в нем множество фотографий вице-президента.

– В общем, делать выводы будешь позднее. Просто изучи. Может, он берет взятки от лоббистов или кого-либо еще. Кларк часто появляется в неформальных кругах с людьми, не заслуживающими доверия. Да-да, просто друзья, понимаю. – Феликс развел руками. – Но любая крыса будет утверждать, что никогда не грызла зерно в твоём погребе. Деньги дают власть, а власть всегда испытывает человека еще большими деньгами.

Кларк был хорош во всем и слишком безупречен. Пожалуй, это настораживало и Аликс. Она не верила в идеальных людей. Да, Тони талантливый политик, счастливо женат, владеет приличным состоянием. Но идеальный ли он человек? Деньги, полученные от двух браков, – неплохое объяснение тому, откуда у политика в кармане миллионы. Но и до первой жены Тони Кларк был весьма небеден и в политике крутился давно. Какой бизнес принес ему богатство? Феликс множество раз задавал этот вопрос Аликс, а она лишь пожимала плечами.

Что ж, посмотреть фотографии и почитать какие-то отчеты... это несложно.

Аликс кивнула:

– Хорошо.

Искать источник средств вице-президента казалось ей не лучшим способом поймать его на горячем. Многие богатые люди делали деньги в обход закона, но это не всегда были грязные деньги. Перепродажа, уклонение от налогов – отличный повод испортить имидж, но едва ли такую правду можно назвать восстановлением справедливости. Аликс считала, что важнее проверить чистоту политических мотивов Тони Кларка. Он производил впечатление человека с высокими устремлениями. Его тандем с Биллом Фостером также не был случайностью: связи сенатора могли привести Тони Кларка прямо в Белый дом, идеальный билет в идеальный пункт назначения. Даже место второго человека в стране было весьма лакомым кусочком. С нынешним президентом Тони Кларк смог сблизиться на политической арене только после смерти Билла Фостера, и данный факт настораживал Аликс.

– Знаешь, этот человек никогда не остановится, – задумчиво сказала она Феликсу, глядя на снимок, где Тони Кларк пожимает руку действующему президенту. – Дело не в его деньгах и взятках от лоббистов. Думаю, у Тони более амбициозные планы. Он будет баллотироваться в президенты через четыре года, когда истечет второй срок нынешнего. Все считали, Кларк вступит в гонку раньше, но он сделал паузу. Просто выжидает подходящий момент. Он не вышел из игры.

– Вот именно. Словно готовит почву! – взволнованно подхватил Феликс. – И я хочу знать, что у него на уме. Я видел его в частном клубе за столиком с тремя самыми яростными лоббистами, которых я знаю. И я хочу быть уверен, что это просто партнеры по гольфу, а не новые политические игроки, с которыми Тони Кларка связывает сомнительная афера.

– И ты полагаешь, я все пойму, рассматривая фотографии? – усмехнулась Аликс. – Я же не знаю, что ищу. Из всего круга общения Тони Кларка я знаю лишь Олимпию Фостер.

Мысль показалась интересной. Мог ли дать какую-то ниточку разговор с Олимпией?

Она вытряхнула один из снимков. Олимпия Фостер, ее брат, сенатор из Коннектикута, и Тони Кларк. У всех троих непринужденный вид. Наверное, Олимпия могла знать больше о прошлом вице-президента, чем кто-либо другой. Они дружили много лет. Эта ниточка стояла

того, чтобы ее потянуть. Впрочем, согласится ли миссис Фостер побеседовать с журналисткой новостного канала? Обычно люди с легкостью выбалтывали Аликс свои секреты. Она умела быть обезоруживающей и милой, общалась с теплом, в неформальном стиле.

Что ж, если кто и мог разговорить Олимпию Фостер, то именно Аликс.

– Я прочитаю материал и сделаю звонки из Нью-Дели, если будет время. Есть кое-какие контакты в Вашингтоне, свяжусь с ними. Город небольшой, а слухами полнится, – произнесла она, задумчиво глядя на фотографии. Мысль позвонить вдове Фостера казалась все более логичной.

Даже если разговор с Олимпией ни к чему не приведет, это будет интересное знакомство. Олимпия никогда не давала интервью, поэтому встреча, если таковая состоится, будет частной. После смерти мужа-сенатора она написала книгу о его жизни и карьере, которую Аликс внимательно прочитала. На страницах политик представал человеком весьма достойным, строгих убеждений, целеустремленным, мечтающим о лучшем будущем для своей страны. Его смерть стала настоящей потерей для Америки, а книга пролила свет на личные качества сенатора. Разумно написанная, последовательная, приправленная глубокой любовью скорбящей жены. Олимпия пожелала почтить память мужа, и книга вышла очень убедительной. Было продано более миллиона экземпляров.

Аликс убрала фотографии в конверт и встала. Феликс пожелал ей удачи в Индии. Он рассчитывал на скорое возвращение своей любимой команды.

Возвращаясь к себе в кабинет, Аликс размышляла об Олимпии Фостер. Бен ждал ее с сумкой. Через полчаса следовало выдвигаться в аэропорт.

– Что за конверт? Отступные? Тебя наконец уволили? – поддразнил он.

– Пока нет, но я работаю над этим.

– Я не смогу сотрудничать с другим репортером, – хмыкнул Бен. – Так что в конверте? Домашнее задание?

Она кивнула:

– Тони Кларк. Феликс считает, что он крыса. Ну, или просто нечист на руку.

– И ты должна выяснить, есть ли у вице-президента серый хвост?

– И розовый нос, – усмехнулась Аликс. – Кстати, я тоже не хочу работать с другим оператором.

– Феликс сделает все, чтобы ты ни секунды не скучала.

Бен закрыл журнал, который листал, ожидая Аликс. Его главной задачей было крепко держать камеру и искать лучшие ракурсы, пока Аликс делает репортаж. Вся самая сложная работа – найти материал, раскрутить его, правильно подать, умело интерпретировать – ложилась на плечи самой Аликс. Бен прекрасно знал, кто именно в их тандеме звезда.

Прежде чем покинуть офис, она позвонила дочери, а Бен решил взять пару порций кофе навынос.

Аликс была уверена, что не застанет Фэй дома, но та сразу взяла трубку.

– Я видела твой репортаж из Алабамы, – сердито сказала дочь. Она злилась. – Ты так и ищешь возможность попасть под пули или свернуть себе шею в развалинах!

Фэй говорила с раздражением, но Аликс знала: дочерью руководит страх за мать.

– На самом деле ситуация была не столь опасной, как кажется на экране, – возразила она.

– Со мной это не пройдет! Наверняка все было еще опаснее. Господи, мама, просто не верится, что подобные события могут происходить в наши дни в цивилизованной стране. Расовая дискриминация, нищета, военные действия! – Фэй говорила с возмущением, с каким всегда рассуждала о мировой несправедливости. – Ладно, к черту Алабаму. Где ты сейчас?

– В студии. Но через пару часов вылетаю в Индию. Ничего опасного, – добавила Аликс, не желая еще больше волновать дочь. – Бизнес-скандал, и все. Я буду рассказывать о крупном

магнате, которого хотят упечь за решетку. Дело о краже высоких технологий. Все в рамках закона и порядка.

– Я думала, вы поедете снимать землетрясение в Афганистане. – В трубке отчетливо слышалось облегчение в голосе Фэй. – Но я рано успокоилась, конечно. Не пройдет и недели, как тебя снова закинут куда-то, где идет война.

– Я снимаю не только военные действия, – мягко напомнила Аликс.

– Неважно, как часто ты это делаешь. Главное – делаешь. В прошлом году ты обещала, что откажешься от подобных заданий. Ты солгала. С тех пор ты пять раз находилась в зоне военных действий.

Аликс вздохнула:

– Я лечу туда, куда меня отправляют. Это часть моей профессии.

– Прекрати! Лучше бы ты работала учителем. Или врачом. Или хотя бы вела выпуски погоды.

– У меня недостаточно красивые ноги, чтобы вести обзор погоды.

– Ты предвзято относишься к ведущим обзора погоды, мама.

– Ладно, ладно, прости. Но мне было бы скучно водить руками по синей стене и рассказывать, где и сколько осадков выпадет. Я бы умерла с тоски.

– Ну, да, играть в командос увлекательнее. А если на днях тебя убьют?

Аликс молчала, зная, что однажды Фэй может оказаться права. Именно так – неожиданно для всех – погиб ее собственный отец.

– Что нового в университете? – спросила она, меняя тему.

– Все идет своим чередом, – вяло откликнулась дочь. Она училась хорошо, без контроля. – Кстати, на днях говорила с бабушкой. Она просила тебя хоть иногда звонить ей.

– Мне так жаль. Не было ни минуты, – виновато промолвила Аликс.

Матери она звонила редко. Изабель была достаточно умна, чтобы не жаловаться на это и не требовать внимания.

– Она едет во Флоренцию и Рим, в какой-то художественный тур. Звала меня с собой, но я не смогу.

Пока Аликс беседовала с дочерью, вернулся Бен и постучал пальцем по часам. Пора было отправляться. Аликс кивнула.

– Я позвоню тебе из Нью-Дели, – пообещала она Фэй, хотя обе знали, что со звонком может не сложиться, если дел окажется слишком много. – Вернусь через несколько дней.

– Хорошо, мама. Постарайся держаться подальше от неприятностей, ладно? Я люблю тебя! – Фэй сказала это с таким чувством, что у Аликс перехватило дыхание, и слезы наполнили глаза. Как бы ни переживала за нее дочь, она гордилась ее результатами и волей к победе.

– Я тоже люблю тебя, милая. Будь осторожна!

Аликс сделала большой глоток кофе и улыбнулась Бену.

– Как она там? – спросил он с искренним интересом, зная, что у его напарницы сложные отношения с дочерью.

– Учится. Больше ничего не рассказала.

Бен улыбнулся. В его жизни не было места семье. Много лет он служил в «морских котиках», которых забрасывали в разные концы света, что не способствовало созданию прочных отношений. Связи Бена с женщинами были краткими и легко забывались. Женщины эти были красивы, но не оставляли в душе следа. Он не хотел тратить свое и чужое время на попытки построить то, что просто не могло превратиться в настоящую крепкую связь. Бену хватило одного брака, и теперь он целиком отдавал себя любимому делу. У него не было времени на эту ерунду.

С Аликс все обстояло так же, хотя ею двигали иные мотивы. Она всегда говорила, что брак не в списке ее приоритетов. Аликс была замужем за работой, поскольку никакой мужчина

не потерпел бы ее образа жизни. Разве нормальный человек захочет, чтобы его вторая половина каждый день рисковала подорваться на mine, брала интервью у террористов, снимала бомбежки и перестрелки? Фэй не преувеличивала: Аликс могла в любой момент погибнуть. Поэтому она не заводила отношений. Редкие случайные встречи, работа и дочь – все, что ей было нужно в этой жизни. Но дело было не только в отсутствии времени и постоянном риске.

Аликс потеряла отца, когда была ребенком. Взрыв бомбы унес его жизнь прямо во время репортажа. Ее любимый муж погиб в нелепой ситуации во время отпуска с друзьями. С тех пор она боялась сближаться с любым человеком, понимая, что жизнь непредсказуема и может внезапно оборваться.

В жизни Аликс были только две постоянные величины – работа и дочь. Ей вполне хватало семьи, состоявшей из матери и ребенка. Даже этого было слишком много для независимого человека вроде нее. Она любила риск и не боялась погибнуть. Ее напарник также любил бросать вызов смерти. Работая вместе под руководством Феликса, оба могли рассчитывать на постоянную опасность, и это делало команду несокрушимой. Бен говорил, что они играют в русскую рулетку, и это было недалеко от истины.

– Готова ехать? – спросил он.

Аликс взяла сумку и покатила по коридору его чемодан, пока сам Бен тащил оборудование и камеру. Выйдя на улицу, они нашли такси, заказанное студией, и отправились в аэропорт. Несмотря на не слишком большое рвение сразу по возвращении снова улетать, сидя на заднем сиденье машины, оба чувствовали себя довольными. Они опять были в деле, снова на коне.

– Вряд ли я смогла бы жить другой жизнью, – призналась Аликс, едва такси тронулось. – Даже не представляю, на что люди тратят время, когда каждый день остаются дома. Целыми днями одно и то же!

– Это называется нормальной жизнью, – тихо заметил Бен.

– Тогда нормальная жизнь не по мне.

– И не по мне тоже.

Они переглянулись.

Таков был их выбор. Они подписались на тот образ жизни, который вели, и ничуть не жалели об этом. Рисковали, находились в постоянном движении, и у этого движения не было преград.

Аликс улыбнулась Бену. Он кивнул и отвернулся к окну, за которым проносились прямые улицы Нью-Йорка.

Они были двумя птицами, которые снова вырвались из клетки и устремились в открытое небо.

Глава 2

Они сделали остановку в лондонском аэропорту Хитроу в девять часов утра. Аликс прошла по магазинам и совершила несколько покупок, а Бен отправился на стрижку и массаж шеи. Оба так много путешествовали, что каждую возможность использовали по максимуму. Во время трансатлантического перелета они спали, чтобы смена часового пояса не показалась слишком тяжелой.

В полдень они были в Нью-Дели. К моменту приземления Аликс успела посмотреть фотографии, прочитать материал о Тони Кларке и заметила интересные детали. Ей стало ясно, почему Феликс полон подозрений, однако доказательств взяточничества не было. Да, вице-президент часто появлялся с лоббистами, даже с весьма сомнительными, однако само по себе это ничего не означало. О подкупках и темных делишках в материалах ничего не было. Нельзя запретить представителям определенных групп и негосударственных организаций общаться с людьми, стоявшими у руля. Принятие либо запрет тех или иных законов в связи с дачей взятки – что ж, такую связь еще нужно доказать.

А Тони Кларк общался со многими. И не все его контакты были безупречными. Пару ниточек можно было попытаться распутать по возвращении в Штаты. У Аликс имелись неплохие осведомители в Вашингтоне, и разговор с ними мог дать какую-нибудь зацепку.

И все же повышенный интерес Феликса к вице-президенту был довольно странным. Тони Кларк не совершил ни одного очевидного промаха и не нарушал закона, чтобы стать объектом подобной настороженности. Значит, все-таки интуиция?

Кларк неглуп. Он бы не поставил свою безупречную карьеру под удар ради дополнительных прибылей. Его четкие, размеренные шаги в сторону политического олимпа были слишком выверенными и правильными. Наверняка у этого человека звериное чутье и острый ум.

Вновь и вновь Аликс изучала фотографии. Один из снимков надолго приковал ее внимание. На нем был запечатлен Тони Кларк в компании одного лоббиста, которого не так давно обвиняли в даче взятки официальному лицу. Доказательств вины не нашли и обвинение сняли. При этом лоббист состоял в государственной комиссии по игорному бизнесу, по которому готовился очередной законопроект.

Аликс обсудила снимок с Беном во время завтрака в Хитроу, когда тот вернулся с массажа. Затем она купила элегантные сапоги в элитном магазине зоны дьюти-фри и померила несколько очков.

– Знаешь, я согласен с тобой, – сказал Бен, разглядывая очки-авиаторы в стальной оправе. – Чтобы сделать такую блестящую карьеру, нужны мозги и осторожность. Кларк не станет рисковать креслом ради взятки. Ерунда это все. Наверное, Феликс просто устроил охоту на ведьм и всюду видит призраков. Более того, вспомни Билла Фостера. Если бы сенатора не убили, эта парочка уже заняла бы Белый дом. И все же для Тони Кларка сохранился шанс на президентство. Рисковать им ради взятки? Нелепо!

Мотив убийства так и остался нераскрытым. Киллером оказался гражданин Сирии с поддельным паспортом. Его застрелили при аресте, поэтому допросить убийцу не удалось. Сирийское правительство отрицало связь с киллером, ни одна организация не взяла на себя ответственность за случившееся. Бессмысленная трагедия. Тони Кларк был подавлен. Он потерял друга, соратника, а вместе с тем и возможность быстро попасть в Белый дом.

– Я не привыкла бросать проблему нерешенной. Сделаю несколько звонков, когда вернемся в Нью-Йорк. Кто знает? Может, вопрос вовсе не во взяточничестве. Например, Кларк просто привлекает дополнительные средства для будущей предвыборной кампании. Сколько ни вложи в гонку, всегда мало. Это будет трудная кампания, с Фостером все было бы проще. Они были идеальной связкой – реалист и мечтатель.

– Или цинизм и наивность, – усмехнулся Бен.

Когда шасси коснулись полосы в Нью-Дели, Аликс успела посмотреть фильм и материалы по индийскому скандалу, а Бен прочитал половину книги. Предстояло встретиться с магнатом, попавшим в беду. Подробности истории были такими странными, словно являлись частью какого-нибудь современного сериала. Итак, один из богатейших людей Индии имел побочный незаконный бизнес. Когда махинации вскрылись, люди, с кем он работал, сдали его властям. Самое удивительное, что карточный домик рухнул из-за какой-то ерундовой мелочи, которая вполне могла остаться незамеченной. Бизнесмена ждало длительное тюремное заключение за мошенничество в крупных размерах. Интервью могло получиться весьма интересным. Прежде Аликс не случалось делать репортаж о подобных скандалах.

До гостиницы они добрались только в два часа ночи и проспали до утра без задних ног. Утром отправились на встречу к бизнесмену, находящемуся под домашним арестом. Он принял их в роскошном особняке. Настроение у него было явно отличным, казалось, обвинения вовсе не волнуют его. Аликс сразу поняла, что он за человек: никаких угрызений совести, никаких эмоций. Настоящий ходячий учебник для тех, кто изучает социопатов. Она встречалась с такими людьми и раньше. Почти каждый второй успешный политик, диктатор, миллионер или преступник являлся социопатом. Это была особая порода, их мозг работал по удобной схеме, позволявшей манипулировать людьми, словно марионетками.

Интервью было прервано роскошным обедом. Его подали в столовой из белого мрамора, которую обслуживала целая армия слуг. Магнат болтал без перерыва, ему нравилось говорить о себе, и, похоже, он был готов общаться с Аликс до позднего вечера, хотя у нее уже была вся необходимая информация. У Бена также получились нужные виды и ракурсы для иллюстрации истории.

Следующие два дня Аликс и Бен встречались с людьми, которые прежде работали с главным героем сюжета, а также с обманутыми покупателями, правительственными чиновниками и юристами. Никто во всей Индии, казалось, не сомневался, что мошеннику грозит тюрьма, однако сам он был уверен, что сумеет выйти сухим из воды. Наверное, он был убежден в своей неуязвимости.

За три дня Аликс и Бен завершили съемки и монтаж. Утром предстоял обратный перелет до Лондона, а затем в Нью-Йорк. Бен заказал столик в самом престижном ресторане города.

– Мы это заслужили, – объявил он, когда они вошли в «Дум-Пухт» с его роскошными сине-серебряными залами и хрустальными люстрами.

Еда оказалась изысканной, как и говорил консьерж в отеле. Вечер был теплым, дул легкий ветер, полный пряных ароматов. Такие вечера выпадали порой в их командировках как награда за нелегкий труд.

В тот день Аликс купила себе светло-голубое сари, а еще малиновое для дочери, подобрала несколько ярких браслетов и заколок. В Индии знали толк в украшениях и тканях ручной работы. В большинстве городов, которые посещали Бен и Аликс, речь о шопинге даже не заходила. Поездка получилась расслабленной, похожей на отпуск, что они и обсуждали за ужином.

Материал был почти готов. Бен отправил фрагмент Феликсу в цифровом виде, и продюсер похвалил обоих за хорошую работу и блестящее интервью.

– Говорят, Индия – самая романтическая страна в мире, – произнес Бен, заказав после ужина коньяк.

Аликс улыбнулась:

– Слышала об этом. Но когда я последний раз была тут по работе, в демонстрациях погибло восемь тысяч человек. Нынешняя поездка – просто каникулы. – Она сделала глоток коньяка и смаковала напиток, раскатывая его по языку. – Уж прости, что тебе приходится делить романтику Индии со мной, – поддразнила Аликс. Взгляды, которые на Бена бросали смуглолицые индианки на улице, не укрылись от нее.

– Поверь, лучше делить романтику Индии с тобой, чем с моими прошлыми коллегами. «Морские коттики», знаешь ли, лишены сантиментов. Да и столовые, где мы ужинали, были проще.

Аликс рассмеялась, вообразив эту картину.

– Не привыкай к романтике, это ненадолго.

Чаще всего их забрасывали в боевые зоны, где им приходилось ночевать в крохотных душных комнатухах или военных грузовиках и носить грязную одежду по несколько дней.

– Я вот думаю об этом бизнесмене. Он так уверен, что ему все сойдет с рук, хотя каждая собака в подворотне знает, что он виновен. Как думаешь, он просто пытался нас убедить в своей невинности?

– Социопаты часто считают себя выше закона.

Они закончили с напитками. Несмотря на высокий класс заведения, счет оказался меньше, чем в большинстве ресторанчиков Нью-Йорка, поэтому денег было совсем не жаль.

– Но он же не идиот. Должен понимать, что против него есть улики и показания, – произнесла Аликс.

– Видимо, считает себя умнее всех. Ты же слышала, как он о себе говорит, – напомнил Бен. – Словно он сам Господь Бог.

– Я решила, что это просто бравада на публику, специально для камеры.

– Едва ли. Может, он убежден, что не сядет в тюрьму. Взятка. Подкуп. Угрозы. Мы не знаем правил этой страны. А он прожил тут жизнь и сумел много лет зарабатывать деньги на махинациях. Вероятно, у него есть туз в рукаве. – Бен помолчал. – Как думаешь, куда нас отправят потом?

Днем Аликс задала этот вопрос Феликсу, и тот объяснил, что бригаде придется на пару недель осесть в городе. Он так сильно надеялся, что Аликс раскрутит дело вице-президента, что собирался держать ее в студии. Конечно, случись в мире событие, обещающее сенсацию, Феликс был готов отправить своих лучших сотрудников на место, но пока все было более-менее тихо. Такая передышка Аликс была не под душе, но послушаться продюсера она не могла.

– Придется на какое-то время зависнуть в Нью-Йорке, – сказала она.

– Я не прочь, – заметил Бен. Они вышли из ресторана и направились в гостиницу. – Мы почти не бываем дома.

– Что ж, я могла бы встретиться с дочерью и провести с ней выходные. Мы не виделись два месяца.

– Хорошая идея. Тебе повезло, что у тебя есть Фэй.

Прежде Аликс не слышала, чтобы Бен говорил таким тоном. Они редко обсуждали личную жизнь, но этот вечер был слишком умиротворяющим и дарившим покой. Яркая луна светила с неба, вкусная еда и напитки, теплый вечер и даже новое сари – все это располагало к беседе на отвлеченные темы. Сейчас Бен и Аликс были больше похожи на обычных мужчину и женщину, чем на рабочую команду в погоне за сенсацией.

– Ты никогда не хотел иметь детей? Ведь еще не поздно, – внезапно спросила Аликс.

– А я думаю, что поздно.

Если бы Аликс брала у Бена интервью, после этого ответа она бы направила беседу в другое, более безопасное русло, однако это был просто разговор, и что-то подтолкнуло ее продолжить:

– Я родила Фэй в двадцать лет, когда училась в колледже. Я совершенно не была готова к ответственности. Мы поженились за месяц до рождения дочери, а через три месяца муж погиб в нелепейшей катастрофе. Его семья не желала иметь со мной и Фэй ничего общего. Я осталась одна. Мне пришлось отдать дочь маме, чтобы продолжить обучение, а потом устроиться на работу. Пять лет моя девочка росла вдали от меня.

Прежде Аликс не затрагивала эту тему, и Бен был поражен ее откровенностью.

– Тебе было нелегко.

– Да. Спасибо матери. Одна я бы не справилась. Она оказалась отличной бабушкой. Фэй рано повзрослела и смирилась с моим постоянным отсутствием. Она росла без родителей, могла стать озлобленной или, наоборот, чрезмерно избалованной, но этого не случилось. Дочь простила меня, но все равно мечтает, чтобы я бросила работу, стала такой, как все. Но это не мой путь. Я никогда не стану такой, какой Фэй хочет видеть меня. Я бы сошла с ума! И мне стыдно за себя. Надеюсь, в моей безумной любви к работе есть и положительный пример для Фэй. Может, это научит ее следовать за мечтой, преодолевая препятствия. Она умница, моя дочка.

– Как и ее мама! – откликнулся Бен. – Я всегда восхищался смелостью людей, которые много работают, но все же заводят детей. Это риск почище съёмок перестрелки. Кем были твои родители?

– Отец был журналистом. Сэр Алекс Филлипс. Он погиб при взрыве бомбы, когда я была еще ребенком. Мама – французенка. Удивительная женщина. Если из меня получилась неплохая мать, то это ее заслуга. Она всегда была на моей стороне. Я иду по стопам отца, но она никогда меня не осуждала. Если со мной что-нибудь случится, я знаю, что о Фэй есть кому позаботиться. Моей матери шестьдесят лет, но она ведет активный образ жизни, путешествует. Дочь восхищается ею. Пожалуй, они близки друг с другом больше, нежели со мной, понимаешь?

– Ты не поверишь, но я тоже бабушкин внук. Моя бабуля была грузной, уютной женщиной, которая свято верила, что я лучше всех других детей. Кстати, готовила она божественно. И только она не осуждала меня, когда я стал «морским котиком». Семья считала, что я попусту трачу время, толкали меня в семейный бизнес, хотели, чтобы я тоже занимался полиграфией. Но мне казалось скучным жить так, как они. В общем, с бабушкой у нас была особая связь. До сих пор скучаю по ней.

– А у меня не было бабушек и дедушек, – вздохнула Алекс. – Они умерли до моего рождения, так уж получилось. А про родителей покойного мужа я говорила. Так что у Фэй есть только мама и бабушка.

– Это не такой уж плохой вариант. Вот мои родители происходят из семей, в которых было много детей. То есть у меня полно родни по всей стране и за ее пределами, однако никого из них я почти не знаю. Да я даже собственных братьев вижу раз в год, у нас нет ничего общего. Они живут в Мичигане и ведут ту самую «нормальную» жизнь, которую мы недавно обсуждали. Бедолаги просто не знают, как со мной общаться. Им непонятны мои интересы и стремления. Да и мне непросто найти с ними темы для разговора. Словно я инопланетянин, честное слово! Когда я навещаю родителей, мне кажется, будто я действительно с другой планеты. Там все женаты, давно обзавелись детьми. Даже моя бывшая жена вернулась в Мичиган, где мы с ней и познакомились. Теперь она снова замужем, у нее дети. Я не вписываюсь в их представления о жизни.

Бен замолчал, и Алекс поняла, что он больше не хочет углубляться в воспоминания.

– Порой отличаться не так уж плохо, – тихо промолвила она.

– Они бы с тобой не согласились.

Они вошли в отель. Теплый вечер все еще царил в городе, и Алекс с Беном чувствовали себя непривычно расслабленными.

– Даже не верится, что эта поездка завершается, – произнесла Алекс. – Это было неожиданно приятно.

Бен рассмеялся и кивнул:

– Точно. Здесь не пришлось уклоняться от пуль и лезть на баррикады. Но это просто передышка.

Им обоим понравилось задание в Нью-Дели, но все же оно было коротким отпуском, наградой за недели напряжения и риска.

– Верно. Я не готова осесть в одном городе, перебирать бумаги, снимать скучные репортажи. Пусть меня похоронят заживо, если я выберу такую жизнь.

– Ну, это вряд ли. Кто-то же должен выполнять грязную работу. – Бен задумчиво посмотрел на часы, висевшие в холле. – Нам еще рано на покой.

Аликс поблагодарила его за приятный вечер, и они разошлись по своим номерам.

Утром, быстро упаковав вещи, команда отправилась в аэропорт. Они вернулись в Нью-Йорк к вечеру, учитывая разницу во времени. На сей раз Аликс отправилась домой, чтобы разобрать одежду.

– Утром сделаю пару звонков, – сообщила она Бену.

– Насчет Тони Кларка?

Она кивнула и помахала рукой проезжавшему такси, а Бен поехал в Бруклин. Аликс позвонила Фэй, но трубку никто не взял. Наверное, дочь была на учебе или отдыхала с друзьями.

Утром, просмотрев список контактов, Аликс выбрала тех, кто мог помочь ей узнать нужную информацию. Все они были в Вашингтоне, так что достаточно было просто позвонить. Но с одним человеком Аликс планировала встретиться лично. Номер Олимпии Фостер нашелся в Интернете в открытом доступе, что ее удивило. Она набрала цифры. Ей ответил мелодичный женский голос:

– Дженнифер Макферсон.

– Это дом Олимпии Фостер?

Женский голос подтвердил, что так и есть. Аликс попросила назначить ей встречу. Пришлось представиться, что сразу вызвало настороженность помощницы Оливии.

– О чем вы хотите с ней поговорить?

– О ее покойном муже, – тихо ответила Аликс. – Я высоко оцениваю книгу, которую написала о нем Оливия. – Она не стала давать лишнюю информацию и упоминать Тони Кларка. Едва ли это был удачный способ добиться интервью.

Помощница миссис Фостер обещала связаться с ней и сообщить, когда у Олимпии появится свободное время. Голос у нее был не слишком любезным.

Повесив трубку, Аликс поразмышляла над тем, верно ли выстроила диалог. В любом случае оставалось ждать обратной связи от Дженнифер Макферсон. Она сделала несколько звонков в Вашингтон. Странно, но никто из ее собеседников не выразил удивления, когда она стала расспрашивать о Тони Кларке. Увы, ни у кого не было ни единой зацепки, хотя каждый признавал, что вице-президент – личность довольно подозрительная. Что ж, если даже политики сомневались в чистоте помыслов и поступков Тони Кларка, то Феликс, наверное, прав.

Знакомые Аликс обещали «поспрашивать» и перезвонить. Оставалось ждать. Она бросила мяч, и теперь он находился на чужой стороне. Порой на заданные вопросы можно получить неожиданные ответы, а кропотливая работа преподносит кое-какие сюрпризы. Пусть расследование в политической сфере – не репортаж из горячей точки, но ведь и оно может оказаться интересным и увлекательным. И это тоже никак не тянуло на «нормальную» жизнь.

Глава 3

Аликс оставила помощнице Олимпии номер личного мобильного для связи, потому что так с ней было проще связаться. Однако через три дня никто не позвонил, и она стала сомневаться, что встреча состоится. Ей не хотелось быть навязчивой: Олимпия жила затворницей и последнее время совсем не общалась со СМИ. Излишнее давление могло лишь навредить, тем более что помощница миссис Фостер проявила настороженность.

Было ли это удивительно? Аликс была представителем центрального канала, о ней говорили как о настойчивой, даже агрессивной журналистке. Естественно, мисс Дженнифер ей не доверяла.

– Хотела побеседовать со мной о книге? – уточнила Олимпия у помощницы. Она была неглупой и воспитанной женщиной, чутью Дженнифер доверяла, поскольку привыкла на нее опираться. Впрочем, ей было нечего скрывать от прессы.

– Не уверена, что именно о книге. Она лишь сказала, что восхищается вашей работой. Разговор может быть о чем угодно. Возможно, ваша книга – предлог, чтобы добиться встречи.

– О чем еще ей со мной говорить? – Олимпия выглядела озадаченной.

– Речь может идти о любом скандале в политических кругах, который еще не выплыл наружу.

– Я никогда не была замешана в политических скандалах, – заявила Олимпия. – Как и мой покойный муж.

Дженнифер вздохнула. Да, миссис Фостер была умной женщиной, однако в вопросах, касавшихся человеческой морали, была излишне наивна. Дженнифер много лет работала на Олимпию, защищая ее от всех мерзостей политики, которые могли пролиться на голову несчастной вдовы.

Несмотря на предостережения помощницы, Олимпия решила повидаться с Аликс. Ей нужна была возможность поговорить о своей второй книге, посвященной идеям покойного Билла. Новая книга должна меньше опираться на биографию сенатора и политическую деятельность, а скорее излагать его философию, видение правительства в будущем, меняющемся мире. У Олимпии до сих пор не было издателя, поскольку все они хотели сразу увидеть готовый труд. Их опасения были понятны: многие авторы спекулировали на текстах первых книг, стараясь выжать максимум денег из уже раскрытой темы.

Первую книгу Олимпия писала и редактировала в течение трех лет, запершись в своем доме. Теперь она занималась тем же самым, и это сильно беспокоило ее детей. Отшельничество, полагали они, не вернет полноты и радости жизни. Однако вдова была настроена донести послание Билла к миру. Это стало ее священной миссией.

Джош и Дарси, ее дети, считали писательство лишь оправданием, чтобы не возвращаться к обычной жизни. Чем дольше мать оставалась затворницей, тем больше они волновались. Они настаивали на том, чтобы Олимпия больше выходила в свет, встречалась со старыми друзьями, устроилась на работу или даже вернулась к преподаванию. Они постоянно твердили, что отец ушел из жизни уже шесть лет назад, и нелепо использовать книгу как оправдание бесконечного траура. Все было тщетно.

Дженнифер разделяла беспокойство детей Олимпии. Она не считала встречу с журналисткой и беседу о книге или о карьере покойного сенатора хорошей идеей. Миссис Фостер давно пора перелистнуть страницу. Однако она не могла настаивать и лишь иногда высказывала опасения и пожелания.

Выслушав Дженнифер, Олимпия позвонила Аликс. Та только что вышла с закрытого совещания и сидела в своем офисе. Ответив на звонок, она сразу сообразила, с кем говорит: у миссис Фостер был характерный мелодичный голос.

– Мисс Филлипс? Это Олимпия Фостер. Как я поняла, вам понравилась моя книга. Сейчас я работаю над новой. – Пауза. – Конечно, она еще не завершена, и я пока не определилась с издателем. Я закончу ее примерно через год. Не знаю, насколько это вам интересно. Книга чуть более отвлеченная, нежели первая. Она уже не столько о Билле, сколько о его политических идеях, о взглядах на будущее страны. Первая книга была более биографической, поэтому там чистые факты.

Аликс слушала не перебивая. Было ясно, что собеседнице не терпится обсудить свою новую работу.

– Это любопытно, – произнесла она, когда Олимпия замолчала. Аликс чувствовала себя неловко. Жена покойного сенатора позвонила ей лично и сразу перешла к делу. По сути, книга миссис Фостер не слишком интересовала Аликс, но впервые за долгое время она не могла найти нужных слов, чтобы направить беседу в правильное русло. – Может, мы встретимся и пообщаемся? – предложила она почтительным тоном. Говорить о том, что речь пойдет о Тони Кларке, было рано.

Ей требовалась личная встреча. Попасть в дом Олимпии, в это святилище, где поклонялись Биллу Фостеру даже после смерти... Сенатор погиб смертью мученика, что превратило его в политическую икону. Вдова стала символом идеальной жены, даже после его смерти хранящей верность супругу. Для Олимпии Фостер покойный муж стал практически культом.

– С радостью встречусь с вами, – сразу согласилась миссис Фостер. – Я всегда восхищалась вашими репортажами. Вы работаете в опаснейших местах, доносите до людей самую суть событий. Вы очень смелая женщина.

– Благодарю, – промолвила Аликс.

Похвала Олимпии Фостер, которая была старше ее на восемь лет и служила символом благочестия, дорогого стоила.

Через два дня Дженнифер открыла перед Аликс дверь загородного дома. Взгляд у нее был строгий.

Аликс заранее выбрала серую юбку, джемпер и туфли на высоких каблуках, длинные светлые волосы стянула в аккуратный «хвост». Образ был элегантным и сдержанным. Она улыбнулась Дженнифер, однако та на улыбку не ответила. Было ясно, что помощница Олимпии не одобряет ее визита. Что ж, решение принимала не она.

Аликс проводили в небольшую гостиную, обставленную антикварной английской мебелью, и попросили подождать. Через несколько минут Дженнифер вернулась и пригласила ее следовать за ней. Это было сказано таким торжественным тоном, словно Аликс предстояло попасть в святую святых.

В доме было тихо. Сенатор Фостер жил в Чикаго и Вашингтоне, хотя родился в Иллинойсе. В Нью-Йорк вдова переехала после его смерти. Тут Олимпия жила шесть лет, однако дом смотрелся так, словно принадлежал ей десятилетиями.

В кабинете все, так или иначе, было связано с Биллом. В шкафах стояли книги, которые он когда-то читал, всюду были развешаны или расставлены его фотографии, над камином висел огромный портрет. Даже стол, похоже, был тем самым, за которым Фостер когда-то работал в Вашингтоне. Казалось, даже спустя шесть лет дух Билла витает в этой комнате.

Олимпия поднялась из-за стола, за которым работала, и с улыбкой подошла к Аликс. Она выглядела одновременно дружелюбной и застенчивой. Женщины пожали друг другу руки. Олимпия жестом указала на удобное кресло напротив своего. Билл Фостер с портрета отечески взирал на гостью.

Аликс села. На фотографиях всюду был сенатор, обнимавший супругу и детей, выступавший в сенате, пожимавший руки политикам и бизнесменам. На столе, на витой подставке, стояла книга Олимпии. С обложки также смотрел Билл Фостер. Здесь было уютно, но весьма странно: словно Аликс попала в библиотеку старинных изданий, прекрасную и в то же время эфемерную. Олимпия, устроившаяся в кресле напротив, тоже казалась нереальной. Было в ней что-то... уязвимое.

От кофе или чая Аликс отказалась, и через минуту Дженнифер с суровым выражением лица неохотно вышла из кабинета. Аликс и вдова сенатора остались вдвоем.

Олимпия исподтишка изучала журналистку. Она так часто видела ее по телевидению, что у нее складывалось ложное впечатление, будто они давно знакомы. Олимпия заговорила первой о каких-то пустяках. Вскоре женщины уже беседовали о сенаторе, обсудили портрет над камином. Аликс восхитилась его сходством с оригиналом, вдова смущенно покраснела. Судя по дате внизу портрета, он был написан уже после смерти Билла. Видимо, безутешная миссис Фостер заказала картину по фотографии.

Теперь Аликс понимала, почему несколько лет Олимпия оставалась вне поля зрения СМИ. Она была погружена в воспоминания и жила прошлым, продолжала оплакивать погибшего мужа так, будто он умер вчера. Глаза были грустными и серьезными, даже когда Олимпия улыбалась. В них словно застыло отражение давней потери. За шесть лет Олимпия немного состарилась, но ее красота почти не поблекла. В сорок семь она выглядела моложе своего возраста. Пожалуй, ей можно было бы дать даже не сорок, а тридцать пять, если бы не два озера боли в ее прекрасных глазах. Олимпия была в простой черной юбке и черной блузке. Даже колготки были черными.

Постепенно, шаг за шагом, Аликс стала приближаться к теме, которая привела ее к миссис Фостер. Конечно, она делала вид, будто заинтересована в новой книге Олимпии, и, как ни странно, чувствовала себя лгуньей. И все же дело – прежде всего.

– Вице-президент и ваш муж были весьма близки, – бросила она вскользь, кивнув на один из снимков.

– Да, были, – кивнула Олимпия. Ее синие глаза смотрели безмятежно. У нее были темные волосы и белая, словно фарфоровая, кожа, безупречно чистая, почти прозрачная. Она выглядела так, будто годами не выходила из дома и не видела солнечного света.

Аликс молчала.

– Тони и Билл росли в пригороде Чикаго, Лейк-Форест, – продолжила Олимпия. – Вместе учились в школе, вместе окончили Гарвард. С самого детства их судьбы были связаны. Билл рано пришел в политику, поскольку его отец работал в правительстве, а Тони с ранних лет во всем копировал Билла. После колледжа он перебрался в Нью-Йорк, и уж там его политические амбиции расцвели пышным цветом.

Кларк был одним из сенаторов Нью-Йорка, прежде чем стал вице-президентом.

– Настоящая мальчишеская дружба дала начало политической команде! – откликнулась Аликс.

– Да. Эта дружба не угасла и после смерти Билла. Тони поддерживал меня и детей, был невероятно добр. Кстати, он стал крестным отцом моего сына. Дети воспринимают его как родственника. А теперь, без отца, Тони Кларк остался для них единственным примером для подражания.

– Как я поняла, ваши дети ведут активную жизнь, – произнесла Аликс.

– Джошу уже двадцать четыре года, у него ученая степень по сельскому хозяйству. Он работает в Айове, руководит фермой по производству органических овощей. Он, знаете ли, не рвется в город. Хочет быть ближе к корням, как он говорит. Моей дочери Дарси двадцать два года. Сейчас она в Зимбабве, помогает деревенским жителям обустроить быт. Ее команда копает канализацию, бурит скважины для колодцев. Это гуманитарная миссия. Мои

дети делают то, что им нравится. Это мы с Биллом поощряли их быть социально активными. Я горжусь успехами Джоша и Дарси.

– Как вы думаете, они не пойдут по стопам отца? – спросила Аликс.

– Вряд ли. Оба знают, какую высокую цену заплатил Билл, пытаясь нести знамя справедливости в современном мире. Они выбрали иной путь. Каждый из них вносит лепту в будущее человечества, старается улучшить этот мир. Просто делают это немного по-другому. Не всегда нужно вести за собой миллионы, порой достаточно исцелить частицу мира собственными руками.

По коже Аликс побежали мурашки.

– Как благородно, – с чувством произнесла она. Ей хотелось спросить, отчего же Олимпия просто пишет книги, вместо того чтобы улучшать мир вместе со своими детьми, но не решилась. – У меня дочь. Она учится на втором курсе в Университете Дьюка. Мечтает быть юристом. Постоянно говорит о правах женщин, хочет работать на Ближнем Востоке. Мне кажется, современное поколение постоянно стремится улучшить мир. Не помню такого альтруизма во времена своей молодости.

– Я тоже, – рассмеялась Олимпия. – Кстати, я окончила юридический, однако преследовала более приземленные цели. Меня интересовало антимонопольное и налоговое право.

Аликс знала, что во время расцвета карьеры мужа Олимпия выступала за права женщин, но в последние годы ее социальная активность утихла, она ушла из юридической практики и политики. Преданная соратница мужа, с его смертью Олимпия потеряла и саму себя, запершись в доме с работой над никому не нужной книгой.

– Я должна признаться, – осторожно промолвила Аликс, понимая, что разговор ушел совсем в другое русло, – что у меня есть пара вопросов про Тони Кларка. Они не дают мне покоя. Тони Кларк, вице-президент и благороднейший человек, зачастую появляется в закрытых кругах в обществе известных лоббистов, которых не поддерживает его партия. Мне показалось, вы можете пролить свет на эту тайну, вы же так хорошо его знаете.

Олимпия колебалась, прежде чем ответить:

– По-моему, это не связано с политикой. У каждого человека есть социальная жизнь, помимо работы. – Она пожала плечами. – У вице-президента есть друзья во всех секторах экономики и в различных партиях. Он весьма общителен и ценит свои связи. И люди тянутся к нему, ведь он харизматичен.

Это было не совсем так. Тони Кларка можно было назвать успешным, а успех всегда притягивает людей, словно магнит. Но харизма?

Впрочем, Аликс не стала спорить.

– Вы считаете, что это просто дружеские связи?

– Наверное, не только дружеские. Просто Тони предпочитает не заводить врагов. Лоббисты преследуют различные цели, но важно слышать голос каждого, чтобы знать о текущем положении дел в стране и экономике. Вице-президент и его связи нередко помогали моему мужу в его работе. Они были отличной командой. А теперь Тони Кларк работает в связке с президентом.

Олимпия продолжила превозносить добродетели Тони Кларка, и Аликс поняла, что ничего от нее не добьется. Похоже, она предана вице-президенту не меньше, чем когда-то покойному супругу.

– Значит, беспокоиться не о чем?

– Полагаю, что нет. – Олимпия безмятежно улыбнулась. – То, что вице-президент общается с разными людьми, еще не свидетельствует о его дурных намерениях.

– А как вы думаете, он будет баллотироваться на пост президента?

Олимпия засмеялась и всплеснула руками. Она была так мила и открыта, что это было почти скучно.

– Понятия не имею.

Поговорив еще немного о книге, Аликс встала и поблагодарила вдову сенатора за встречу.

– Для меня было честью познакомиться с вами лично, – тепло сказала она и, взглянув на портрет Билла Фостерса, заметила, что глаза словно следят за ней. Портрет был хорош и одновременно ужасал. Сама Аликс не хотела бы день и ночь находиться под неотрывным наблюдением покойника. – Я была большой поклонницей вашего мужа. Уверена, он стал бы замечательным президентом.

– Вы правы, – грустно промолвила Олимпия и вздохнула.

Дженнифер вошла в кабинет так внезапно, будто все это время подслушивала под дверью и ждала подходящего момента. Она проводила гостью вниз по лестнице после того, как Аликс и вдова обменялись рукопожатием.

Пройдя немного вдоль улицы, журналистка села в такси.

Интервью ничего ей не дало. Она даже не смогла определить, защищает ли Олимпия Тони Кларка, потому что тот нечист на руку, или действительно верит в его непогрешимость. По ее словам, он просто общителен и предпочитает широкую сеть связей, однако это казалось сомнительным объяснением происходящему. Кларк был слишком расчетлив, чтобы общаться со всеми подряд. Он все делал намеренно и с определенной целью. Да, к нему, как к важной фигуре на политическом олимпе, могли тянуться многие, но избирательность в связях – первое правило умного и опытного политика.

Аликс все еще ехала по городу, когда в своем кабинете Олимпия Фостерс набрала на мобильном номер Тони Кларка. Она всегда звонила ему, если происходило нечто, хотя бы немного заслуживающее его внимания. Таковы были инструкции, и об этом знала секретарь Кларка, поэтому Олимпию тотчас соединили с вице-президентом.

Они общались буквально накануне, и он был удивлен столь скорому звонку.

– Здравствуй, Олимпия. Что-нибудь случилось?

– Сегодня утром у меня была посетительница. Аликс Филлипс, знаешь такую? Она ушла несколько минут назад.

– Она репортер, – подтвердил Тони Кларк. – Что ей нужно?

Он сразу насторожился. Зачем Олимпия впустила журналистку в дом? Ему не нравилось, что пресса продолжает шнырять вокруг вдовы покойного сенатора.

– Она хотела поговорить о моей книге, но в конце упомянула тебя. Интересовалась лоббистами, с которыми тебя в последнее время видят. Спрашивала, будешь ли ты участвовать в президентских выборах. Я ответила, что не в курсе твоих планов. Заверила, что у тебя много связей по всей стране, и не все они носят политическую окраску.

– Прекрасный ответ, – похвалил он, немного успокоившись. Однако любопытство Аликс Филлипс его волновало. – Ты же знаешь, я люблю гольф. Это место, где люди оставляют свои карьерные амбиции и просто наслаждаются игрой. Да, я играю с лоббистами в гольф, мы знакомы много лет. – Тони заметил, что говорит слишком легкомысленным тоном, словно оправдывается, и добавил в голос глубины: – А ты уверена, что она вообще хотела говорить о книге? Может, это был предлог?

Олимпию задело подобное предположение.

– Мы много беседовали о Билле, о наших детях и социальной активности, – обиженно произнесла она.

Тони вздохнул. Как всегда, он вел себя резко, забыв, насколько Олимпия чувствительна.

– Тогда вопрос снят. Убежден, ты напишешь прекрасную книгу, – сказал он мягче.

– Думаю, мисс Филлипс приехала именно поэтому, – обрадовалась Олимпия. – О тебе она задала лишь пару вопросов, да и то потому, что я рассказывала о вашем с Биллом детстве.

– Хорошо, дорогая. Но тот, кто вынюхивает, никогда не говорит напрямик. Будь осторожна, если эта журналистка снова позвонит тебе. В новостях работают настоящие волки. Им только дай намек на сенсацию, даже если это пустышка, и они разорвут тебя в клочья. А я не хочу, чтобы ты пострадала. Достаточно с тебя той шумихи шестилетней давности. – Тони добавил в голос тепла и заботы.

– Вряд ли она снова позвонит. Аликс Филлипс – женщина занятая. Кстати, меня всегда восхищали ее интервью. Блестящий ум и отличная хватка.

– Это ее работа, дорогая, – напомнил Тони. – Она сожрет тебя живьем, если дашь слабину. Все ради новостей и сенсаций. С прессой нельзя дружить. Прессу можно прикормить, но этот волк все равно будет готов откусить твою руку. Держись подальше от СМИ, хорошо? Тебе ни к чему эта головная боль. И я уверен, Билл хотел бы, чтобы я защитил тебя от этой грязи.

– Не волнуйся, – заверила Олимпия. – Пока меня совершенно не от чего защищать. Все в порядке.

Тони не стал спорить, хотя был уверен в обратном. Он уже знал, что кто-то проводит расспросы в Вашингтоне. Верные люди успели нашептать ему, поэтому Тони отменил игру в гольф с одним из игроков на этой неделе. Он не хотел, чтобы пресса принялась ловить его на каждом шагу, пытаясь раскопать грязное белье. Следовало быть осторожным. И все же, кто мог знать, что пресса использует столь слабое звено, как Олимпия Фостерс, чтобы подобраться к нему! Что ж, эта Филлипс весьма сообразительная. Но кто именно навел ее на мысль копать под него? Продюсер? Внешний источник? Она сама? И этот визит к вдове Билла Фостерса... умный, нестандартный ход. Книга была просто предложением, в этом Тони был уверен. Хорошо, что Олимпии было нечего сообщить этой вероломной журналистке. Однако сам факт интервью настораживал. Что ж, теперь у него появился «хвост».

Тони всегда испытывал ненависть и презрение к средствам массовой информации. Это было орудие промывки мозгов, населенное акулами. Олимпия, конечно, дала журналистке прекрасный ответ, однако она слишком наивна. Когда застрелили ее мужа, она была разбита и потеряна. Тони взял на себя все тяготы, связанные с адаптацией вдовы в пошатнувшемся мире. Однако Олимпия всегда была для него не просто женой друга, и его чрезмерное участие не укрылось от внимания первой супруги Тони. В связи с этим они и разошлись незадолго до смерти Билла. Внезапная смерть дорогого человека ранила Олимпию, мир разлетелся на тысячу осколков, и Тони сделал все, чтобы собрать их воедино. Он надеялся, что однажды эта хрупкая женщина оправится и разглядит в нем не только друга и соратника покойного мужа. Тони Кларк легко мог представить совместное будущее с Олимпией Фостерс. Она была бы идеальной женой президента. Видит бог, амбиции Тони относительно Белого дома не умерли вместе с Биллом Фостерсом.

После смерти Билла Тони терпеливо ждал, пока Олимпия очнется от своего траура. Он виделся с ней в любую свободную минуту, не реже раза в неделю, что при его насыщенной политической жизни было непросто. Они регулярно говорили по телефону, и это были не просто пятиминутные звонки вежливости. Порой беседа затягивалась на целый час.

Через год после похорон дети Олимпии разъехались кто куда, пустившись каждый в свое плавание. Олимпия писала книгу и была всецело поглощена работой. Тони решил, что это подходящее время для предложения. Он был разведен, она овдовела, ей требовалась помощь с недвижимостью, и не только. Они были весьма близки и понимали друг друга с полуслова. Тони сделал Олимпии предложение спустя год со смерти друга.

Она обещала подумать. Тони заметил, что Билл был бы рад узнать, что его вдова будет иметь крепкое мужское плечо, на которое сможет опереться. Сам Тони не сомневался в том, что Олимпия составит ему прекрасную партию. Она была искренней, настоящей и, казалось, излучала свет и тепло изнутри, которые привлекали к ней людей. Билл шутливо называл ее

своим секретным оружием, частью избирательной компании, уверял, что с такой женой невозможно проиграть выборы.

Что ж, Тони лелеял высокие амбиции, и брак с «идеальной политической женой» был ему на руку. Ему хотелось, чтобы Олимпия стала для него не просто женой, но и верным соратником в политической борьбе.

Дети Олимпии воспринимали его как родственника, и в их поддержке он был уверен. Стать отчимом для детей лучшего друга, погибшего за правое дело, – разве не о таком амплуа мечтает всякий политик? Ответственный мужчина, сострадательный человек, продолжатель дела сенатора... Тони Кларк не мог проиграть. Он был уверен, что Олимпия оценит его предложение и поймет важность этого шага. Каково же было его удивление, когда она взяла тайм-аут, затянувшийся на несколько лет! Тони был ошеломлен и опустошен.

Олимпия призналась, что считает брак с ним предательством Билла. Она говорила с сожалением, признавалась, что пока не готова двигаться дальше, и, возможно, никогда не будет готова. И что более важно, Олимпия совершенно не хотела становиться «политической женой». Несчастье, постигшее Билла, она расценила как урок и не желала больше быть частью безумной борьбы за власть и человеческие умы. Зачем ей известность, пиар и повышенное внимание к ее семье и браку? Олимпия боялась вновь пережить то, что случилось с Биллом. Она не могла требовать от Тони тихого брака в уединении от мира, которое она теперь сделала своим выбором, поскольку знала о его планах на будущее.

Преодолев шок, Тони не отказался от своих намерений. Он стал общаться с ней еще больше, став просто необходимым. Уже не просил прямо, но всячески давал понять, насколько важно, чтобы Олимпия приняла правильное решение. Она же, напротив, превратилась в отшельницу и заперлась в своем доме вместе со старыми фотографиями покойного мужа. Да, Тони Кларк постепенно стал единственным ее другом и самым близким человеком, однако это ни на шаг не приблизило его к желанному браку.

Прошел еще год, а попытки вице-президента переубедить вдову были тщетны. Она осталась верна своему решению.

Смирившись, Тони нашел себе другую жену. Разведенный политик без детей имел небольшие шансы на победу. Его избранницей стала Мэган, она забеременела сразу после медового месяца. Она не была такой, как Олимпия, однако была молодой, богатой, с безупречной репутацией. Хорошая жена и детишки – образцовый политик Тони Кларк был почти доволен результатом.

Олимпия Фостерс так и осталась женщиной, на которой он хотел, но так и не смог жениться. Она всегда находилась рядом, но оставалась для него мучительно недостижимой. Тони проводил с ней не меньше времени, чем с женой, и ему было безразлично, что думает по этому поводу Мэган. Со временем жена поняла, что Олимпия Фостерс не представляет угрозы для их брака, и научилась принимать странную дружбу мужа с ней. Тони ни на секунду не забывал об Олимпии. Она полностью зависела от него, и он контролировал каждый ее шаг. Именно Тони теперь советовал ей оставаться все время дома и вести отшельнический образ жизни. Это позволяло ему оказывать на ее влияние.

И вот на горизонте возникла приткая Аликс Филлипс.

Положив трубку, Тони нахмурился. Он не сердился на Олимпию за попытку дать интервью, но вероломная дамочка, воспользовавшаяся доверчивостью вдовы, невероятно раздражала его. Эту ситуацию нужно хорошенько обдумать.

– Как все прошло? – спросил Феликс, когда Аликс вернулась в офис после встречи с Олимпией Фостерс.

Он забросил в рот два антацида. Проклятая изжога доконала его. Утро выдалось нервным, и желудок в очередной раз отреагировал на стресс. На Рождество Аликс преподнесла

Феликсу тридцать упаковок «Тумс», и он на полном серьезе назвал это лучшим подарком за последние несколько лет.

– По сути, никак. Олимпия прекрасная женщина, очень лояльная ко всем, с кем дружит. И к покойному мужу, и к Тони Кларку. Утверждает, будто вице-президент – просто весьма общительный человек, дружит со всеми и вообще душка. Думаю, она искренне верит в то, что говорит. Я спросила ее, будет ли Кларк баллотироваться на пост президента, и она ответила, что не имеет понятия. По-моему, Олимпия лукавит. Впрочем, она все равно бы не сказала мне, если бы знала. – Аликс вздохнула. – Ты не представляешь, какой образ жизни ведет эта женщина! Она заживо похоронила себя в четырех стенах. Олимпия не была в Вашингтоне со смерти мужа, но это понятно. Но и Нью-Йорк ее не интересует. Все, что для нее важно, – вторая книга про покойного мужа. Она ведет себя так, словно его убили вчера вечером. Полагаю, что Олимпия не в курсе действий Тони Кларка. Да, он ее близкий друг, но она возвела его в ранг святых, как покойного сенатора. Есть только одна религия: Святой Билл и Апостол его Тони. Общаться с ней приятно, однако польза от этой встречи нулевая. Пустая трата времени.

– Я ожидал чего-то подобного, но попробовать стоило, – сухо произнес Феликс.

– Может, Тони Кларк заставил ее верить в свою непогрешимость, не знаю. Он может быть весьма убедительным. Олимпия верит ему, ведь сейчас он – единственная звезда на ее небосклоне. Даже дети живут отдельно. Кларк – единственная поддержка и опора.

– Странно, что он не женился на ней. Представляешь, какая блестящая партия была бы! И какой плюс в политической карьере.

– Вряд ли Олимпия вообще готова к новому браку. Мне кажется, политика давно ей опротивела. Она винит политику в смерти мужа. Олимпия так восхищается тем, что ее дети выбрали способ помочь миру без участия в политической жизни. Да, Олимпия не стала бы женой Тони Кларка. Он хочет сесть за стол в Овальном кабинете, а все, что нужно ей, – это покой.

– Пожалуй, ты права, – откликнулся Феликс, забрасывая в рот еще один антацид.

Итак, ниточка в виде Олимпии Фостерс оборвалась. Аликс отчаянно сочувствовала несчастной женщине, однако в расследовании дела она была совершенно бесполезна. Аликс была бы рада встретить Олимпию в других обстоятельствах, но источник сведений из вдовы сенатора никудышный. Олимпия жила в тени прошлого. И единственным светлым пятном для нее был Тони Кларк.

Глава 4

Неделю спустя после визита к Олимпии Аликс работала за своим столом над несколькими сюжетами сразу. Тут был и сексуальный скандал с конгрессменом, которому пришлось подать в отставку, и ядерная угроза от Северной Кореи, и дело об абортах из Верховного суда, и массовые выступления против однополых браков в одном из южных штатов. Аликс и Бен на целую неделю зависли в Нью-Йорке.

Взглянув на монитор, Аликс заметила большой заголовок через весь экран. Она прекратила делать заметки и несколько минут наблюдала за сценами беспорядков в Тегеране. Все участники протеста были женщинами.

Экстремисты оказывали давление на иранское правительство, чтобы ужесточить правила после длительного периода оттепели, во время которого женщины смогли получать хорошие рабочие места и высшее образование. Теперь же вступали в силу новые поправки к законодательству, основанные на традиционном отношении к слабому полу. Женщин стали увольнять с рабочих мест либо вытеснять на более низкие позиции. Акции протеста проходили по всей стране. В эту минуту на экране группу женщин пытались запихнуть в полицейские фургоны и отвезти в тюрьму. Бегущая строка сообщала, что утром одну из митингующих расстреляли на месте во время мирной демонстрации.

Как только сюжет сменился другим, Аликс позвонила по внутреннему телефону Феликсу. Она знала, что он тоже видел это.

– Ситуация в Тегеране накалилась, – сказала она.

Феликс понял ее с полуслова. Убитая девушка, молодая учительница двадцати двух лет, тысячи осужденных женщин. Такими сюжетами всегда занималась Аликс. Она сделала себе имя и репутацию, освещая события, связанные с социальной и расовой несправедливостью.

– Да, в Тегеране жарко! – воскликнул продюсер.

Недавно поправки к иранскому законодательству привели лишь к небольшим возмущениям в крупных городах, которые едва ли можно было назвать сенсационными. Однако теперь на улицах городов страны царил хаос.

– Чего же мы ждем? – мягко спросила Аликс.

– Я хочу убедиться, что эта волна протестов не стихнет уже завтра, – спокойно ответил Феликс.

Трезвый расчет был одним из основополагающих качеств его характера. Он всегда был невозмутим внешне, словно нервные клетки в нем давно атрофировались. Конечно, по тому, как часто беднягу мучила изжога, становилось ясно, что это не так. Жена бросила Феликса пять лет назад после двадцатилетнего брака, обвинив в том, что он женат на работе и совершенно в ней не нуждается. Она оставила его ради профессора колледжа в Дартмуте, с которым познакомилась в Интернете.

Пять лет спустя бывшая жена Феликса по-прежнему жила с профессором, а Феликс был все еще одинок. Наверное, она была права на его счет: он был женат на работе. Все, что его интересовало, это яркие события в мире, которые можно было показать в вечерних новостях. Он почти не виделся с детьми, и его семьей стали коллеги. У Феликса была прекрасная интуиция на хорошие сюжеты, и благодаря ему рейтинги канала всегда находились в верхних строчках. В своей преданности работе он ничуть не уступал Аликс и Бену. Трудоголики вроде них троих не имели личной жизни.

– Над чем ты сейчас трудишься? – спросил Феликс.

– Работаю над сюжетом про конгрессмена. Вчера общалась с его женой по телефону. Ничего особенного, говорить не о чем. Еще про легализацию абортов и однополых браков. В Северной Корее пока тихо, одни угрозы и пафосные заявления. В общем, тоже скука смертная.

Еще я жду звонка от одного человека из Национальной стрелковой ассоциации, который играет с Тони Кларком в гольф.

– Есть новости?

– На данный момент все выглядит так, словно Олимпия Фостер права: у вице-президента просто обширные связи.

– И ты в это веришь? – удивился Феликс. Аликс услышала, как он выдал из пачки антацид.

– Дело не в том, верю или нет, – вздохнула она. – Но одного чутья недостаточно. У меня нет ни единой зацепки.

– Да, интуицию к сюжету не пришьешь.

Феликс снова почувствовал, как по спине пробежал неприятный холодок, возникавший всякий раз, едва речь заходила о вице-президенте. Тони Кларк всегда крутился там, где были большие деньги, однако теперь проявлял дружелюбие к тем, чьи деньги могли оказаться весьма грязными. Реноме идеального политика выглядело слишком безупречным, чтобы быть правдой. Но предположить, будто Кларк берет деньги у лоббистов, – слишком смело. Это могло быть просто игрой разыгравшегося воображения Феликса. И все же что-то с Тони Кларком не так.

Вероятно, им удастся распутать хитрую интригу, однако это может оказаться и пустой тратой времени и средств. Кларк слишком умен, чтобы оставлять следы. Но если он собирается баллотироваться в Белый дом, то долг Феликса выяснить, не замешан ли будущий кандидат в президенты в чем-либо криминальном. Общественность должна знать правду.

Впрочем, тайное расследование Аликс не должно мешать основной работе. Беспорядки в Тегеране имели приоритет над всеми иными сюжетами последней недели. Убита молодая женщина, боровшаяся за свои права. Тони Кларк подождет.

Словно читая его мысли, Аликс спросила в трубку:

– Так что будем делать?

Он понял, о чем она. Аликс тоже думала о поездке в Тегеран. Она никогда не теряла времени даром. История об убитой митингующей всплыла лишь час назад, а отважная журналистка уже была готова паковать вещи. Да, местные репортеры освещают сюжет со всех сторон, используют кадры и прямые трансляции с военных каналов, но только Аликс могла сделать сюжет идеально.

– Есть риск, что восстания будут подавлены раньше, чем вы выйдете из самолета, – произнес Феликс. – Я не хочу отправить свою лучшую команду на другой конец света впустую. По-моему, надо подождать еще сутки.

– Но если история не угаснет, то мы потеряем драгоценное время, – веско возразила Аликс. – Давай не будем ждать слишком долго.

– Я велю сделать вам срочные визы. Если ситуация ухудшится, вы сможете вылететь без проволочек.

Аликс согласилась.

В тот день Бен появился в студии со скучающим видом. Он был словно фристайлер в ожидании подходящей халтуры.

– Как думаешь, отправят или нет? – спросил он, заглянув в кабинет.

Аликс пожала плечами. На всякий случай она «подбивала концы», чтобы не оставлять незавершенных дел.

Лоббист из Национальной стрелковой ассоциации, регулярно игравший в гольф с Тони Кларком, позвонил ей через пару часов. Ничего любопытного разговор не дал. За год знакомства с вице-президентом лоббист ни разу не замечал его в странных связях и вообще был уверен, что Тони – отличный парень, который просто держит руку на пульсе событий. Накануне вечером лоббист от фармацевтических компаний сказал почти то же самое. Казалось, что

душка Кларк по душе всем и каждому. Любой, кто его знал, считал его своим другом. Может, именно так Тони Кларк выстраивал связи для будущей президентской компании? Но едва ли это было незаконно. Часть его знакомых юридически не считались лоббистами, поскольку продвигали интересы только одного клиента, да и тратили на это не более двадцати процентов своего времени. По федеральному законодательству это даже нельзя отнести к лоббированию. Вообще в сфере лобби закон частенько имеет серые зоны, позволяющие обойти правила. Тони Кларк общался со всеми лоббистами, как официальными, так и нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.